

DOI: 10.22363/2312-8674-2017-16-1-7-19

ОТ СОЛДАТСКОЙ БЕЗГРАМОТНОСТИ К РЕВОЛЮЦИЯМ: НИЗКИЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ УРОВЕНЬ НИЖНИХ ЧИНОВ КАК ОДНА ИЗ ПРИЧИН РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г.

Р.С. Авилов¹

Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока ДВО РАН
690001, Россия, Владивосток, ул. Пушкинская, 89

Дальневосточный федеральный университет
690095, Россия, Владивосток, ул. Алеутская, 65-б

В статье на основе архивных материалов исследуется наметившееся в годы Первой мировой войны влияние падения уровня военной грамотности нижних чинов запасных частей и дружин Государственного ополчения на их восприимчивость к революционной агитации. Использование документов текущего делопроизводства Приамурского военного округа дало возможность выявить объективные и субъективные причины снижения качества обучения и боевой подготовки солдат в 1915–1917 гг. Установлено, что падение образовательного уровня и боевой подготовки войск было одним из важнейших факторов успеха Российской революции 1917 г.

Ключевые слова: Приамурский военный округ, Государственное ополчение, Первая мировая война

Введение. С переходом в начале XX в. ведущих мировых государств к системе массовых армий проблема устойчивости армии к революционной и иной враждебной агитации стала одной из ключевых и остается таковой и в настоящее время. Наиболее острый характер она приобретает во время войн, поскольку необходимость развертывания армии в военное время посредством призыва в войска большого количества резервистов и запасных порождает возможность падения боеспособности войск в случае, если качество пополнения не соответствует минимальным требованиям к образовательному уровню, боевой подготовке и осознанию чувства воинского долга. Если же качество боевого пополнения падает ниже определенного уровня, то последствия становятся катастрофическими – армия разваливается и государство в лучшем случае теряет

¹ Адрес электронной почты: avilov-1987@mail.ru (Р.С. Авилов).

возможность обороняться, в худшем – перестает существовать. Именно это и произошло с Российской империей на четвертом году ее участия в Первой мировой войне в результате Февральской, а затем и Октябрьской революций 1917 г. Это делает необходимым анализ процессов, происходивших в русской армии в 1914–1917 гг., для понимания причин успеха революции 1917 г. в России.

Несмотря на наличие обобщающих работ по истории русской армии в годы Первой мировой войны [1; 2; 3, с. 4–23; 4; 5, с. 162–166; 6, с. 3–27; 7] и колоссальный пласт литературы по Февральской и Октябрьской революциям 1917 г. [8, с. 53–64; 9, с. 1–5; 10, с. 30–45; 11, с. 167–211; 12, с. 112–120], проблема влияния качества подготовки и обучения запасных частей и дружин Государственного ополчения Российской империи на восприимчивость их к революционной агитации, а соответственно, на успех революций остается исследованной явно недостаточно, особенно на материалах периферийных территорий империи.

В 1914–1917 гг. значительная часть запасных и ополченцев обучалась в военных округах Сибири и Дальнего Востока. Использование документов текущего делопроизводства Приамурского военного округа, находящихся в Государственном архиве Хабаровского края (ГАХК) и Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока (РГИА ДВ), позволяет достаточно полно восстановить картину происходившего.

Цель исследования – установить на материалах истории Приамурского военного округа, в какой степени падение уровня военной грамотности нижних чинов запасных частей и дружин Государственного ополчения, наметившееся в годы войны, повлияло на их восприимчивость к революционной агитации и способствовало успехам революции 1917 г. Задачи исследования заключаются в том, чтобы рассмотреть объективные и субъективные причины снижения качества обучения нижних чинов в годы войн, установить возможные закономерности между образовательным уровнем массы нижних чинов и восприимчивостью их к революционной агитации.

Исследование проблемы. Большая часть полевых войск Приамурского военного округа, а именно 1-й, 4-й и 5-й Сибирские армейские корпуса, были отправлены на фронт сразу по окончании мобилизации уже осенью 1914 г. После этого в округе остались лишь несколько задержанных по стратегическим соображениям полевых частей, развернутые по военному времени части Амурского и Уссурийского казачьих войск, а также караульные команды от ушедших на фронт частей. Во Владивостокской крепости остались еще кадровые крепостные части (артиллеристы, саперы, связисты) [13, ч. III, с. 112]. переброска частей и соединений из округа в Европейскую Россию происходила по Китайской Восточной железной дороге¹, а на замену им в ноябре 1914 г. начали прибывать ополченские части. К 24 ноября 1914 г. в округ прибыла

¹ Приказ войскам Приамурского военного округа № 765 от 25 октября 1914 г. // Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Научно-справочная библиотека (НСБ). Ед. хр. 1530.

46-я бригада Государственного ополчения¹; к середине декабря прибыли уже три бригады Государственного ополчения: 46-я, 49-я и 51-я (каждая в составе 6 дружин и 1 саперной полуроты)². В дальнейшем состав и система подчинения дислоцировавшихся в округе ополченских дружин постоянно менялась³.

Различие в качестве отправленных на фронт регулярных полевых войск и пришедших им на замену ополченцев бросилось в глаза сразу. 19 декабря 1914 г. временно Командующий войсками округа генерал от артиллерии А.Н. Нищенков, осматривая помещение Окружного штаба с состоящей при нем командой нижних чинов от 274-й пешей Казанской дружины, с удивлением обнаружил, что «караульный Начальник не умел рапортовать, не ознакомился с находящейся в караульном помещении инструкцией и не знал, что делать и куда обращаться в случае тревоги. Ни у караула, ни в караульном помещении не было устава гарнизонной службы, между тем на столе валялись какие-то книжки для чтения...»⁴. Подобное катастрофическое состояние караула заставило его обратить самое серьезное внимание на находившиеся в округе ополченские части.

Оказалось, что реальной боевой силы на момент прибытия они не представляли, да и вероятность их боевого применения до Первой мировой войны считалась минимальной. Сначала на них возложили охрану военных объектов и транспортной инфраструктуры, но далее ситуация стала быстро меняться. Изначально, согласно «Уставу о воинской повинности 1874 г.», с изменениями, внесенными законом 1912 г., ратники Государственного ополчения делились на два разряда. В 1-м разряде состояли все отслужившие действительную службу и службу в запасе (возраст от 39 до 43 лет) и те, кто физически годен, но не был призван на действительную службу по результатам жеребьевки или был освобожден от нее льготами по семейному положению (2-го и 3-го разрядов). Во 2-м разряде состояли те, кто по своим физическим данным или по состоянию здоровья не были годны к строевой службе и те, кто имел льготы по семейному положению по 1-му разряду (единственные сыновья в семьях, единственные кормильцы и т.п.) Во время войны из ратников 1-го разряда предполагалось формировать ополченские дружины и ими же должны были

¹ Приказ войскам Приамурского военного округа № 839 от 24 ноября 1914 г. // ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1530.

² Приказ войскам Приамурского военного округа № 899 от 15 декабря 1914 г. // ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1531.

³ Приказ войскам Приамурского военного округа № 921 от 24 декабря 1914 г. // ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1530; Приказ войскам Приамурского военного округа № 928 от 31 декабря 1914 г. // ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1530; Приказ войскам Приамурского военного округа № 17 от 20 января 1915 г. // ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1529; Приказ войскам Приамурского военного округа № 168 от 17 апреля 1915 г. // ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1529; Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 702. Оп. 5. Д. 337. Лл. 7–12.

⁴ Приказ войскам Приамурского военного округа № 911 от 20 декабря 1914 г. // ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1531.

пополняться потери действующих войск. Ратников 2-го разряда предполагалось использовать для охраны порядка в тылу, внутри государства, производства строительных работ и т.п., т.е. направлять их непосредственно на фронт для участия в боевых действиях изначально вообще не предполагалось [4, с. 21–24; 14, с. 41].

Однако потери в новой войне оказались столь большими, что уже через два месяца все ополченцы 1-го разряда, проходившие ранее действительную военную службу, были отправлены в Действующую армию. В результате 9 сентября 1914 г. была выпущена «Инструкция об организации пополнения убыли в пехоте в Действующих армиях», устанавливавшая порядок, по которому от каждой дружины, сформированной из ополченцев 1-го разряда, через определенный промежуток времени выделялась одна рота, передававшаяся затем в запасные батальоны¹ для более глубокого прохождения курса стрельбы и обучения тактике. Далее они отправлялись на фронт на пополнение убыли в войсках [15, с. 142–143]. Таким образом, уже с октября 1914 г. предвоенные взгляды на ополчение как на вспомогательные войска изменились с точностью до наоборот, и ополченские части начали активно использовать в боях наравне с полевыми войсками. Тыловые округа отдавали фронту как дружины целиком, так и отдельных ратников в составе маршевых рот, сохраняя часть дружин в качестве центра подготовки бойцов внутри страны [15, с. 144; 26].

В результате в Приамурском военном округе пришлось обратить серьезное внимание на обучение и боевую подготовку не только молодых солдат в кадрах Сибирских стрелковых полков и Владивостокской крепостной артиллерии, но и нижних чинов ополченских частей. Личное знакомство А.Н. Нищенкова 10–15 января 1915 г. с обучением ряда частей выявило множественные проблемы, причем практически повсеместно.

Молодые солдаты в кадрах Сибирских стрелковых полков не знали основных стрелковых команд, причин осечек, как целиться при боковом ветре, делали постоянные ошибки в прицеливании, а обязанности стрелка в цепи не усвоили. Разобраться в особенностях полевой и караульной службы им тоже было тяжело.

Молодые солдаты во Владивостокской крепостной артиллерии, несмотря на усилия офицеров, продемонстрировали «большое разнообразие в прицеливании» со всем возможным спектром ошибок, показав почти полное неумение обращаться с прицельными приспособлениями. В 4-й роте 1-го Владивостокского крепостного артиллерийского полка вообще оказались молодые солдаты, не умеющие наводить орудие, устанавливать дистанционную трубку, а также держать патрон и обращаться с прицелами²!

¹ Приказ войскам Приамурского военного округа № 711 от 30 декабря 1915 г. // ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1529.

² Приказ войскам Приамурского военного округа № 36 от 26 января 1915 г. // ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1529.

В осмотренной Нищенковым в апреле 1915 г. 726-й Пензенской дружины Государственного ополчения ситуация была еще хуже, поскольку «начальствующие лица начиная с ротного командира не знали всех подчиненных им нижних чинов». Свойств постоянного прицела ратники не знали, «не усвоили также разницы команд “курок” и “вынь патрон”». Значительная часть ополченцев не усвоила правила изготовления к стрельбе ни из одного положения (лежа, с колена, стоя)¹. Между тем всем им предстояло отправиться воевать, т.к. к ноябрю 1915 г. было уже официально признано, что дружины – это части, «назначенные не только для внутренней службы, но и для укомплектования Действующей Армии», и они «ныне готовят ратников для службы в поле и поэтому ни в каком отношении не должны быть ниже полевых войск 1-й очереди»².

Достичь последнего в условиях просчетов мирного времени и отсутствия в стране всеобщего начального образования было невозможно, но усилия прилагались колоссальные. 4 ноября 1915 г. А.Н. Нищенков отдал приказ: «Для обеспечения более прочных результатов в деле подготовки вновь призванных ратников, прошедших 6-ти недельное обучение и укрепления сведений у старослужащих ратников, приказываю с теми и другими безразлично пройти повторительный двух месячный курс. Для однообразного во всех дружинах ведения этого дела и достижения наилучших результатов приказываю во всех частях при прохождении этого повторительного курса строго руководствоваться прилагаемой при сем “примерной программой 2-х месячного повторительного курса обучения нижних чинов”»³. Последняя была разработана в Штабе округа на основе всех накопленных там за предвоенные и военные годы материалов, а также замечаний А.Н. Нищенкова уже военного времени. Рассчитанная на 7 недель, она включала в себя 7 «отделов обучения», т.е. курсов, с точным указанием тем, которые следовало разобрать. Ситуация была настолько катастрофическая, что программа, кроме изучения уставов, гимнастики, строевой и стрелковой подготовки предусматривала еще молитвы и общие сведения, среди которых были: «молитва Господня» и «заповеди Спасителя», а также разъяснения, что такое пехота, кавалерия и артиллерия⁴. В дальнейшем в штабе была разработана еще и программа духовно нравственных бесед с нижними чинами, разъяснявшая им самые элементарные основы христианского вероучения⁵.

¹ Приказ войскам Приамурского военного округа № 202 от 30 апреля 1915 г. // ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1529.

² Приказ войскам Приамурского военного округа № 592 от 4 ноября 1915 г. // ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1529.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Приложение к Приказу войскам Приамурского военного округа № 467 от 22 сентября 1916 г. // ГАХК. НСБ. Ед. хр. 2298.

Эти меры позволили хоть как-то стабилизировать ситуацию с ополченцами в округе, хотя переломить ее так и не удалось. Причин было несколько. С одной стороны, успешное обучение ополченских частей происходило лишь в тех случаях, когда их командиром становился человек деятельный и ответственный, а большая часть таковых сразу отправилась на фронт. «Отсиживаться трусами в тылу» мало кому из них хотелось, поэтому в округе таких офицеров остались единицы. С другой, сами ополченцы обустроивали свой быт с гораздо большим рвением, чем осваивали боевые науки. Например, осматривавший 10 ноября 1915 г. казармы расположенной в с. Шкотово 275-й пешей Казанской дружины А.Н. Нищенков отмечал, что в помещениях, где размещены дружины, – порядок, кухни и бани чистые. На стенах казармы 1-й роты «развешаны плакаты: о наших пленных у немцев, о немецких шпионах, о царской заботе о семьях воинов и прочие, но никто, видимо, не знаком с ними солдат, один из которых сказал, что это расписание занятий»¹.

Трудности с обучением и боевой подготовкой ополченских дружин были обусловлены целым рядом факторов, как объективных, так и субъективных. К первым следует отнести контингент, призванный ратниками в ополчение. Значительную его часть составляли мужчины поволжских, уральских и некоторых других губерний, где был высок процент населения, исповедовавшего ислам [16, с. 39], для значительной части которого русский язык был либо не родным, либо не первым родным. Этим же объясняется и периодическое получение А.Н. Нищенковым в ответ на воинское приветствие поклонов всех видов и разновидностей – типично восточного способа приветствия. Призванные в ополчение честно выказывали «начальству» все положенное уважение, но выражали его так, как привыкли и умели, а не как полагалось по уставу.

К субъективным причинам следует отнести нежелание ополченцев, оторванных на длительный срок от семей и хозяйства, нести службу и уж тем более отправиться на фронт. Поэтому никакого рвения в обучении и боевой подготовке они не проявляли, а при случае еще и демонстрировали ее полное отсутствие, тем более что доставалось за это прежде всего не им, а командующим ими офицерам.

Ситуация ухудшалась по мере того, как война принимала затяжной характер и фронт требовал все больше. В результате в 1915 г. в стране просто не хватало людей. Призыв ратников 1-го разряда прекратился по причине их полного исчерпания, т.е. весь обученный запас армии закончился. 5 сентября 1915 г. государство вынуждено было начать призыв для последующей отправки на фронт ратников ополчения 2-го разряда – той части мужского населения империи, которая вообще никогда не служила в армии. Это потребовало существенной корректировки законодательства, которое пришлось проводить

¹ Приказ войскам Приамурского военного округа № 666 от 10 декабря 1915 г. // ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1529.

через Государственную Думу, что вызвало скрытое недовольство населения и резкое падение качества как поступающих в войска пополнений, так и самих ополченских дружин [4, с. 72–80, 83–101; 15, с. 148].

Недовольны были и еще чудом уцелевшие офицерские кадры мирного времени, ведь прибытие неподготовленного пополнения создавало им серьезные проблемы, «умножая количество едоков, но не увеличивая количества бойцов».

Что делать с маршевым пополнением, которое в массе своей после 3–6 недель обучения в запасных батальонах попадало на фронт безоружным, совершенно необученным и зачастую практически не имевшим ни малейшего представления о самых элементарных основах воинской службы, от дисциплины до заряжания винтовки из обоймы, было решительно непонятно. Ставить в строй их было просто нельзя. Поэтому войскам приходилось обучать такие пополнения непосредственно в ближайшем тылу средствами самих же частей и соединений в никем и ничем не предусмотренных сверхштатных «учебных» батальонах и командах, благо позиционная война давала командирам возможность это делать.

Столкнувшись с совершенно новой и непредвиденной в мирное время ситуацией, система комплектования армии на всех ее уровнях от присутствий по воинской повинности до запасных батальонов со своей задачей совершенно не справлялась. Между тем подобное положение дел оказывало все более отрицательное влияние на фронт. В целом, с этого времени русская армия начала постепенно превращаться во что-то, сильно напоминающее ополчение, поскольку потери 1915 г. еще «можно было пополнить, но их нельзя было заменить» [17, т. 3, с. 282, 318; там же, т. 4, с. 7, 250].

В такой ситуации принимаемые в Приамурском военном округе меры уже не только не давали положительного результата, но и не могли остановить стремительного падения боеспособности запасных и ополченских частей. 22 сентября 1916 г. А.Н. Нищенков с горечью отмечал: «Несмотря на то, что большинство нижних чинов в дружинах вступило уже в третий год службы, считая от объявления войны, до сих пор встречаются нижние чины слабо или даже вовсе неподготовленные для службы в поле... К сожалению мне попадались слабо подготовленные не только рядовые, но и унтер-офицеры»¹.

Той же осенью 1916 г., при очередной инспекции гарнизона Владивостокской крепости, А.Н. Нищенкову во 2-й роте 2-го Владивостокского крепостного артиллерийского полка попались рядовые, не знавшие, как называется крепость, в которой они служат, и никто, даже ефрейтор, не смог ответить на вопрос, из чего состоит крепость, предлагая версии: «из гарнизона», «из полков», «из казарм» и даже – «из берегов»! В 4-й роте никто не знал, почему при присяге целуют крест

¹ Приложение к Приказу войскам Приамурского военного округа № 467 от 22 сентября 1916 г. // ГАХК. НСБ. Ед. хр. 2298.

и Евангелие; в 5-й – некоторые не знали молитвы за царя; в 6-й Либавской роте – не имели понятия, кому служит и присягает каждый военнослужащий, и в довершение всего заявили А.Н. Нищенкову, что «в артиллерии знаменем служит пушка»!¹ Подобные случаи отнюдь не были единичными, приобретая массовый характер, тем более, что к концу 1916 г. в империи был близок к исчерпанию и контингент ратников ополчения 2-го разряда [4, с. 72–80, 83–101; 15, с. 148].

В армии постепенно развивалась необратимая болезнь, проявившаяся во время революции 1917 г., поскольку при таком уровне знаний о своем государстве войска становились восприимчивы к любой пропаганде, совпадавшей с глубинными чаяниями солдат: мир, земля, возвращение домой и т.д. «Революционные солдаты и матросы» на самом деле в большинстве своем не были ни «солдатами», ни «матросами». Это были те самые плохо обученные, имеющие крайне мало представления о воинской дисциплине, чинопочитании и армии вообще, но зато озлобленные на власть за нарушение «своих законных прав» ратники ополчения 2-го разряда. Они в массе своей не горели желанием умирать за Отечество, не говоря уже о вере и царе. Решение собственных социальных вопросов интересовало их намного больше, чем судьба страны и государства.

Выводы. Промахи мирного времени катастрофически проявились уже в годы Первой мировой войны. Отсутствие в стране нормального школьного образования давало армии призывной контингент в основном малограмотный и плохо обучаемый, что невозможно было быстро исправить, тем более в условиях военного времени. Это существенно снижало возможности армии по подготовке бойцов, которых зачастую приходилось сначала учить хотя бы грамоте, а уже затем – всему остальному.

Большое количество неграмотных, т.е. несамостоятельных людей, особенно ослабило армию дни кризиса. Один из русских генералов писал о нижнем чине: «Он прекрасный солдат до тех пор, пока все идет хорошо, по программе, когда он слышит, где его офицеры, и слышит, как его поддерживают наши орудия, иначе говоря, во время удачной атаки или обороны в окопах, но когда приходит нечто неожиданное, как это бывает обычно в действиях против германцев, все меняется» [1, т. 1, с. 57]. Солдат, не умеющий самостоятельно думать, не умел и воевать без того, кто думал бы за него. Уже в эмиграции бывший Генерал-Квартирмейстер Главного штаба накануне Первой мировой войны и Генерал-Квартирмейстер Верховного Главнокомандующего Великого князя Николая Николаевича-младшего Ю.Н. Данилов признал: «Русский народ оказался психологически к войне неподготовленным. Главная масса его, крестьянство, едва ли отдавала себе ясный отчет, зачем его зовут на войну. Цели войны были ему не ясны. Крестьянин шел на призыв потому, что привык вообще испол-

¹ Приказ войскам Приамурского военного округа № 579 от 30 ноября 1916 г. // ГАХК. НСБ. Ед. хр. 2298.

нять все то, что от него требовала власть; он терпеливо, но пассивно нес свой крест, пока не подошли великие испытания» [Цит. по: 4, с. 290–291].

В Приамурском военном округе в годы войны делалось все возможное, чтобы поднять уровень грамотности призванных запасных и ратников ополчения 1-го, а затем и 2-го разряда хотя бы до минимально необходимого, и обучить их насколько возможно. Неофициальным центром такого обучения стала Владивостокская крепость, где всю войну оставались крепостные войска, т.е. регулярные кадровые армейские части, сохранившие костяк своего состава даже в 1915–1917 гг., когда в остальной армии таких уже не было, а личный состав воюющих частей и соединений сменился по несколько раз. Уровень боеготовности этих частей был в целом несравненно выше, чем у всех ополченских импровизаций, которые *de facto* на войска мало походили.

В целом же картина в округе была практически идентичной происходившему на остальной территории империи. Образовательный уровень нижних чинов запасных частей и ратников Государственного ополчения был столь низким, что не позволял привить им даже элементарные военные знания, т.к. чтобы научить их пользоваться прицелом винтовки, многих приходилось сначала учить цифрам.

Проблемы с пониманием основ православной веры, одного из столпов российской государственности до 1917 г., сводили на нет всю идеологическую составляющую подготовки – людям, не имевшим представления о символе православной веры и не знавшим даже молитвы за царя, объяснить, почему он «помазанник Божий» и растолковать сакральные основы самодержавной власти в России, было невозможно. Это, в свою очередь, делало самих запасных и ополченцев и, как следствие, все запасные и ополченские части, а заодно и все остальные части и соединения, куда эти нижние чины поступали в качестве маршевых пополнений, восприимчивыми к любой антивоенной и антиправительственной агитации, апеллировавшей к глубинным чаяниям народа. Чем сильнее падал по мере истощения людских ресурсов образовательный и культурный уровень призываемых, тем более восприимчивыми к агитации они становились.

Положение дел существенно ухудшало полиэтничность населения империи, власти которой, периодически проводя хотя и активную, но непродуманную и неудачную политику русификации проживавших на ее территории народов, так и не сумели создать в итоге кроме единого административного еще и единое историко-культурное и языковое пространство. Эффективного механизма адаптации в армии большого количества призывников, для которых русский язык был не родным или не первым родным, создано не было. Даже при желании с их стороны служить верой и правдой, что было далеко не всегда, воплощение этого желания в жизнь постоянно наталкивалось на культурно-языковые трудности.

Таким образом, когда исследователи говорят о выступлении определенной части войск в 1917 г. на стороне сил революции, нужно четко представлять, что эти «войска» в значительной степени были уже не армией, а малограмотным, плохо вооруженным и недостаточно снабженным всеми видами довольствия народом, который призвали на защиту Родины, так и не сумев объяснить, что страна ведет войну за выживание, в результате проигрыша в которой она может прекратить свое существование. В этой связи следует отметить, что повышение образовательного, культурного и интеллектуального уровня населения является важнейшей и жизненно необходимой мерой по повышению обороноспособности современной России и приданию дополнительной устойчивости ее государственному строю. Также необходима и постоянная работа над поддержанием в стране единого историко-культурного и языкового пространства, которая при современном уровне развития этнологии и антропологии может вестись не только без ущемления языков и культур живущих в стране народов, но даже с одновременным развитием, поддержкой и популяризацией последних. Принятие активных мер в указанных областях избавит страну даже от минимальной возможности повторения ошибок, допущенных в Российской империи и приведших впоследствии к революциям 1917 г.

© Авилов Р.С., 2017

ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

Государственный архив Хабаровского края. Научно-справочная библиотека (ГАХК. НСБ). Ед. хр. 1529.

ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1530.

ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1531.

ГАХК. НСБ. Ед. хр. 2298.

Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 702. Оп. 5. Д. 337.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Айрапетов О.Р.* Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). Т. 1–2. М.: ИД КДУ, 2014.
- [2] *Айрапетов О.Р.* Участие Российской империи в Первой мировой войне (1914–1917). Т. 3–4. М.: Кучково поле; Военная книга, 2015.
- [3] *Булдаков В.П.* Первая мировая война: шанс на модернизацию России // Вестник Тверского государственного университета. Серия История России. 2014. № 1. С. 4–23.
- [4] *Головин Н.Н.* Военные усилия России в Мировой войне. М.: Кучково поле, 2001. 440 с.
- [5] *Гулин А.О.* Основные тенденции современной историографии Первой мировой войны // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2012. № 5. С. 162–166.

- [6] Козенко Б.Д. Отечественная историография Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2001. № 3. С. 3–27.
- [7] Мировые войны XX в.: В 4 кн. М.: Наука, 2002. Кн. 1. 686 с.
- [8] Булдаков В.П. Революция как проблема Российской истории // Вопросы философии. 2003. № 1. С. 53–64.
- [9] Будник Г.А. Новые подходы к изучению Революции 1917 г. в России // Вестник ИГЭУ. 2008. Вып. 1. С. 1–5.
- [10] Макаренко П.В. Германский фактор в Октябрьской революции 1917 г. // Вопросы истории. 2008. № 5. С. 30–45.
- [11] Российские революции 90 лет спустя. «Круглые столы» в Институте Российской истории РАН // Отечественная история. 2008. № 6. С. 167–211.
- [12] Фельдман М.А. Была ли Октябрьская революция 1917 г. пролетарской? (Проблемы истории и историографии) // Общественные науки и современность. 2012. № 5. С. 112–120.
- [13] Авилов Р.С., Аюшин Н.Б., Калинин В.И. Владивостокская крепость: войска, фортификация, события, люди. Владивосток: Дальнаука, 2013–2016. Ч. I–IV.
- [14] Марков О.Д. Русская армия 1914–1917 гг. СПб.: Галлея Принт, 2001. 160 с.
- [15] Оськин М.В. Государственное ополчение в период Первой мировой войны // Вопросы истории. 2013. № 6. С. 142–152.
- [16] Иконникова Т.Я. Ополченские дружины Приамурского военного округа в 1914–1917 гг. // Военно-исторический журнал. 2009. № 2. С. 35–40.
- [17] Керсновский А.А. История русской армии. Т. 3–4. М.: Голос, 1994.

**FROM SOLDIERS' ILLITERACY TO REVOLUTIONS:
LOW SOLDIERS' EDUCATIONAL LEVEL
AS ONE OF THE CAUSES
OF THE RUSSIAN REVOLUTIONS OF 1917**

Roman S. Avilov¹

Institute of History,
Archaeology and Ethnography of
the Peoples of the Far East FEB RAS
89 Pushkinskaya Str., Vladivostok, Russia, 690001

Far Eastern Federal University
65-b Aleutskaya Str., Vladivostok, Russia, 690095

The article deals with the problems of the falling of the soldiers' military literacy of the National Home Guard reserve forces and troops during World War I and their susceptibility to the revolution agitation influence. There are used the records from the State Archive of Khabarovsk Region (SA KR) and the Russian State Historical Archive of the Far East

¹ E-mail address: avilov-1987@mail.ru (R.S. Avilov).

(RSHA FE). The author analyzes the condition of the troops of the Amur Military District including Vladivostok Fortress, where real carrier-oriented fortress troops were deployed. It was found that these troops served as a base for reservists' military training and education.

Using the documents of everyday life of the Amur Military District, there were found the objective and subjective causes of falling of the soldiers' educational level and military training in 1915–1917, which were the primary factors of the success of the 1917 revolutions.

The author concludes that a great number of illiterate and non-initiative people paralyze the army, especially in a crisis time. There was no effective mechanism for the adaptation of oriental reservists who were not native Russian speakers. All this made reservists and the soldiers of the Nation Home Guard very susceptible to the antiwar and antigovernment agitation which appealed to people's most important needs. As for the troops on the side of the revolution in 1917, it should be emphasized that these "troops" were not a real army, but illiterate, poorly armed people, who were mobilized for defending the Homeland without the clear explanation that this war had critical significance for the state survival.

Key words: Amur Military District, Home Guard, World War I

REFERENCES

- [1] Airapetov OR. *Uchastie Rossiiskoi imperii v Pervoi mirovoi voine (1914–1917)*. Moscow: ID KDU, 2014; 1–2 (in Russian).
- [2] Airapetov OR. *Uchastie Rossiiskoi imperii v Pervoi mirovoi voine (1914–1917)*. Moscow: Kuchkovo pole; Voennaya kniga, 2015; 3–4 (in Russian).
- [3] Buldakov VP. Pervaya mirovaya voina: shans na modernizatsiyu Rossii. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya Rossii*. 2014; 1:4–23 (in Russian).
- [4] Golovin NN. *Voennye usiliya Rossii v Mirovoi voine*. Moscow: Kuchkovo pole, 2001 (in Russian).
- [5] Gulin AO. Osnovnye tendentsii sovremennoi istoriografii Pervoi mirovoi voiny. *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova*. 2012; 5:162–166 (in Russian).
- [6] Kozenko BD. Otechestvennaya istoriografiya Pervoi mirovoi voiny. *Novaya i noveishaya istoriya*. 2001; 3:3–27 (in Russian).
- [7] *Mirovye voiny XX v.: V 4 kn.* Moscow: Nauka, 2002; 1 (in Russian).
- [8] Buldakov VP. Revolyutsiya kak problema Rossiiskoi istorii. *Voprosy filosofii*. 2003; 1:53–64 (in Russian).
- [9] Budnik GA. Novye podkhody k izucheniyu Revolyutsii 1917 g. v Rossii. *Vestnik IGEU*. 2008; 1:1–5 (in Russian).
- [10] Makarenko PV. Germanskii faktor v Oktyabr'skoi revolyutsii 1917 g. *Voprosy istorii*. 2008; 5:30–45 (in Russian).
- [11] Rossiiskie revolyutsii 90 let spustya. «Kruglye stoly» v Institute Rossiiskoi istorii RAN. *Otechestvennaya istoriya*. 2008; 6:167–211 (in Russian).
- [12] Fel'dman MA. Byla li Oktyabr'skaya revolyutsiya 1917 g. proletarskoi? (Problemy istorii i istoriografii). *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2012; 5:112–120 (in Russian).

- [13] Avilov RS., Ayushin NB., Kalinin VI. *Vladivostokskaya krepost': voiska, fortifikatsiya, sobytiya, lyudi*. Vladivostok: Dal'nauka, 2013–2016; I–IV (in Russian).
- [14] Markov OD. *Russkaya armiya 1914–1917 gg.* St-Petersburg: Galleya Print, 2001 (in Russian).
- [15] Os'kin MV. Gosudarstvennoe opolchenie v period Pervoi mirovoi voiny. *Voprosy istorii*. 2013; 6:142–152 (in Russian).
- [16] Ikonnikova T.Ya. Opolchenskie družiny Priamurskogo voennogo okruga v 1914–1917 gg. *Voeno-istoricheskii zhurnal*. 2009; 2:35–40 (in Russian).
- [17] Kersnovskii AA. *Istoriya russkoi armii*. Moscow: Golos, 1994; 3–4 (in Russian).